

А-35

824.2(6)
А35

В С Е В О Л О Д А З А Р О В

МУЖЕСТВО

СТИХИ 1931 — 1932 Г.

34352c
уф

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВ. ЛИТЕРАТУРЫ
Ленинград 1932 Москва

Обложка работы художника В. Кочегуры

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

*Книга посвящается
Лидии Петровне
Азаровой*

СПАТЬ ВОСПРЕЩЕНО

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

СПАТЬ ВОСПРЕЩЕНО

Ты голоден, в твоих глазах нет света,
Взывает всеми перстами кишка,
Ты вновь и вновь дырявишь шилом пояс,
С которым ты вернулся из окопов
Когда-то в девятнадцатом году.

Пусть о тебе не распинался Эрих
Мария Ремарк. Но разрывы грома
В твоих ушах застряли, словно вата,
Пусть о тебе не распинался Ремарк,
Но синий штук твою коверкал тело,
Но желтый газ твою коверкал тело,
И над тобою реял враг Вильгельма,
И ты вытягивал, как клоун на манеже,
Кровавых лент из горла серпантин.
Теперь не то! И снова мерно мерит
Косая тень асфальты тротуаров,

Косая тень пощечиной без звука
Летит в лицо республике эс-деков,
Увенчанной блистающим штальгельмом,
Летит в обличье социал-фашизма
Облитое продажной желтизной.

Как якоря, отяжелели ноги.

Я прислоняюсь к кованой решетке,
И сразу, словно маска хлороформа,
Нахлынул сон...

Но, белых звезд касаясь,
Грядет огромный, словно туча, шудман:
— Проваливай! Здесь спать воспрещено. —

Что ж, снова колесить проклятый город...

Вы спите, Эрих, как вас там, Мария,
Всю ночь на мягкой пуховой постели,
Вы спите, Ремарк, gute Nacht und Frieden,
А я вдыхаю ненависти воздух.

Я не один! Пусть много перебито
В тех мышеловках хлором и ипритом.

Я не один. Идет за взводом взвод.

Вы слышите: ротфронт!

ротфронт!

ротфронт!

Мы знамя Ленина несем перед собою,
Оно полками в небо взнесено.

Да, шутман.

Перед боем

Спать

воспрещено.

1932

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СТУЛ

Друзья и родные не плачут.

Пламя

Лампы в тенях горбатых.

Квадратная ночь похожа на знамя

Соединенных штатов.

Бетон содрогнулся, как легкий каркас,

Под храпом дремучим нации.

Губернатор на рассвете

в последний раз

Рассматривает кассацию.

К матери тихо прошлепал ребенок,

Звонко упала

из крана вода.

Звон телефонный несется спросонок,

Где-то шумят поезда,

провода.

В кабинете шуршит, словно крыса, листьями

(Скучное дело, который раз...)
Добротный старик, сошедший с рекламы
„Я пью с малолетства баварский квас!“
„Убийцу мы бы, пожалуй, простили,
Но коммуниста...“

Рукою тяжелой
Вывел: „Смерть остается в силе“
И — росчерк,
похожий
на \$ (доллар).

В это время, стремглав очищая место,
Вылетает на стол без оглядки
Запоздавшая телеграмма протеста
Пионеров города Вятки.
Рассвет!

Золотой колосок пожара.
Жена кулаком ударяет по шару.
Проклятый убийца!
Электрический ток —
И шар осыпается, словно цветок.
Небо пизринуло в улицы недра
Радужно-синие воды свои.
Гранули враз, как джаз-бандные негры,
Американские воробьи.
Телеграммы снуют
по невиданной карте,
Пробивая навывлет тугие моря.

В этот час подают
заявления в партию
Кочегары,
забойщики,
и токаря.

Смерть,
ты спибаешь друзей не впервые,
Но пред тобою не дрогнет зрачок.
Крест проповедника.

Мы не святые.
Голова в ореоле.
Треск.
Ток.

Память бойца
мы в боях не уроним.
Чортово кресло,
удар твой лжив.

Знай:
коммунист, которого хоронят, —
жив.

1932

ЧАПЕЙСКИЕ ПОХОРОНЫ

Миролюбие льется из всех отдушин,
Славословят мир президенты.
Присевших орудий

дебелые туши

Посащивают

под брезентом.

О мире болтает Артур Гендерсон:

„Наступит мир тем скорей“ —

Разрывом гранат

невпопад и не в тон

Перебивает Чапей.

Перебивает Чапей:

„Уже не видать ни зги.

Кромешная тьма.

Я сошел съума!

Я не знаю, то пуля пропела сама,

Или ветер стучится в виски“.

Бомбовозы смерть рассыпают впрок,
Огонь истребляет людей.
Вопит обгорающий черный комок,
И тихая пуля находит висок,
И кровью исходит Чапей.
Багровою жижей земля налита.
И солища кружит колесо.
Японии кованая пята
Китай ударяет

в лицо!

И акции прыгают, как воробьи.
Покатая тьма наступает, сбив
Прожектора белую жердь.
Америка — „против“,
но Франция — „за“,
И вновь бронированная стрекоза
Бросает пригоршнями смерть.
Здесь землю марает багровый цвет,
Облиты огнем города.
И ангела мира женеvский совет
Послал делегатом сюда.

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел.
Снуют облака над высокой землей.
Зигзаги радиоволн.

И слушает ангел Вестминстерский бой
И джазы слушает он.

Юнгвай, Юнгвай,
Меня не забывай!
Юнгвай, Юнгвай,
Не здравствуй,

не прощай!

И ангел срывается в круговорот.
Орудий.

Проверен прицел.

Прожектором схваченный в переплет,
Он песню другую запел.

Шанхай перед сдачей!

Обстрела джаз

И млечной дороги аркан.

И ангел натягивает противогаз

И пули кладет в барабан!

Железными хлопьями падал трезвон

Орудий взволнованный гром.

Какого же дьявола

Гендерсон

О мире трепал языком?

Свинцовый типун на язык твой сел

И снайперов всячь обернется прицел.

МАРШ ЧЕРНЫХ ГУСАР

Марш!

Марш по Большим бульварам!

Рука генерала лежит у виска.

Синие уланы, черные гусары —

Гвардии белой проходят войска.

Моль поедает трехцветные флаги.

Сошла позолота с вензеля „Н“.

Но пестует черносотенный лагерь

Республиканский банк Паризьен.

Литавры, как дома, гремят беспардонно.

Затрещина, по барабану грянь.

Корпус армейский вышел из Дона,

Дивизию породила Кубань.

Труба запрокинутая орет —

И вот

Уже песней заполнен рот.

«Марш вперед!

Народ зовет,

Черные гусары!

Марш вперед!

Россия ждет,

Наливайте чары!»

Вас ждет народ, над которым

Вы измывались когда-то.

Сыпали в раны порох,

Гноили в сырых казематах!

Полчище вами убитых встанет,

Выйдет на костылях легион.

Помнят колхозники на Кубани,

Как вы насильовали их жен.

Красная армия смяла гусаров!

Кровью полита каждая пядь,

Вам, что скатились к Большим бульварам,

Любо к нам возвратиться вспять.

Вы, загнивающие живьем,

Скоро вконец захлебнетесь в скверне.

Нам ли догадываться о том,

Кто вдохновил Иуду Штерна?

Вьются по ветру трехцветные ленты,

Ажаны в подобострастном раже.

Цилиндр французского президента

Солнечной чешуей окрашен.

Мадам Фаррер поправляет оборки.

Меж экспонатов открыт проход.
Полиция спряталась на задворки,
Незнакомец
Проталкивается вперед.
Гром!
Запрокидывается тело.
Клейкая кровь на морщинах лица.
Голова президента отяжелела
От нескольких грамм
Свинца.
Продажная пресса Тардье речиста.
Она на любые подлоги ловка,
Чтоб черносотенца-террориста
Выдать за „небольшевика,
Клятого агента Коминтерна...»
Но рука Горгулова и рука Штерна —
Это
 одна рука.
Край коммунизма всегда на страже.
Бойню
 опять предвещает для нас
Грохот забрызганных кровью костяшек,
Террора
 пороховой баланс.
Труба запрокинутая орет —
Песней забит, как землю, рот.
 „Марш вперед!

Народ зовет,
 черные гусары.
Марш вперед,
 Россия ждет,
Наливайте чары!
Если нагрянет
 в разрывах гроз
Гнилостное войны дыханье
Каждый завод
 и каждый колхоз
Непобедимую крепостью станет!

1932

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

**И ВСЯ-ТО НАША ЖИЗНЬ
ЕСТЬ БОРЬБА**

Электронный архив библиотеки им. Гумени А. А. Кулешова

БОЛЬШИЕ МАНЕВРЫ В ЭН-СТЕЙ

Приходят чайки скопом на рассвете,
Стучат о сушу бивни океана.
Здесь сушатся распластанные сети
Меж красных крабов и угрей землистых.
А в океане все пошло вразброд —
Пусть лопается шкура барабана,
Пусть разорвутся легкие горниста.
Труба уже кричит, а не поет,
Железный лев приподымает знамя.
Из топок в красной кофте рвется пламя,
Уже плывет вразвалку меж валами
Британии тяжеловесный флот.
Коричневый, квадратный адмирал
Всем капитанам свой приказ отдал,
И на воде все стало по-иному.
Плевку на волнах некуда упасть,
Из люков прет ощеренная пасть,

Обнюхивает небеса дредноут.
Итак в Эн-стей, полотнами одетый,
Открытый нападению, вне преград,
В трех плоскостях искусного макета
Восходит бутафорский Ленинград.
Глаз Цейса приближает переулки
И плацы, что открыты, как ладонь.
Сигнал с дредноута: „открыть огонь“ —

и гулко

Пошло по флоту: «Есть. Открыть огонь».
Огонь и газ, кути во всю
По «Красному путиловцу».
Охвачена пламенем толпа.
Железные записки
Шлите на Балтийский.
По красному знамени пальба.
Истребители снимаются семейной группой,
Воздух покатыми крыльями смят.
Бомбы летят оголтело и грубо
С неба срываясь на Ленинград.
Лезвия пламени город бреют,
Но, защищая «свой» Ленинград,
Мнимые «красные» батареи
Кроют огнем холостых петард.
Пусть холостыми, но в это мгновенье
Бомб раздавался всамделишный свист.
И никогда с таким увлечением

Еще не работал артиллерист.
Условно убитый английский летчик
Испуганно за облаками сник.
Британский снарядный,
британский наводчик
Красноармейцами

стали в тот миг.

Пусть вхолостую гремят фугасы,
Прыгает бомба хлопучкой пустой,
Но воспаленная ненависть класса
Не была холостой.
Пусть не дошло еще братания,
Условна смерть и условен гром,
Но самый лучший дредноут «Британия»
Взорван
Условным «красным» огнем!
В доках Эн-стея митинг,
Тысячи жилистых рук взнесены.
По боку бомбы, орудья громите!
Мы голосуем против войны.
Эй! Подсадите на бочку слепого!
Зелень и синь у него на лице.
Товарищи! Это слово

слушайте все.

«Был я в Стокпорт на военном заводе.
Нас укрывала чугунная твердь.
Каждый, кто для работы пригоден,

Денно и ночью готовил смерть.
Язвами стали мои ладони.
Гибель глядела в глаза не раз.
Череп и кости на каждом баллоне,
В каждом баллоне — газ.
Смерть по конвейеру мчалась плавно.
Блики в глазах и в ушах трезвон.
Ночью у нас ненароком недавно
Выпал один баллон.
Мне этот взрыв обошелся в дешевку:
Стало безглазым мое лицо.
Сразу упала в лиловых обновках
Сотня слепых мертвецов.
Я говорю за живых открыто:
Нынче последнего боя канун,
Мы до-отвала накормим ипритом
Тех, что готовят войну“.
Песню! живее давайте песню!
От Ливерпуля и до Ньюкестля.
Сомкнутый плотно
В шеренги рот —
Идет безработных
Голодный поход.
Близясь, близясь,
Круша, как танк,
Шествует кризис
Из банка в банк.

Вьется над картой
Багровый флаг,
Братских компартий
Уверен шаг.
Пусть фабриканты
Грозят войной —
Сила в руках не у них,
Встанут в шеренгу
с одной шестой
красные
пять шестых!

1932

МИР И ВОЙНА

Зеленый мир похож на карусель,
Развалкою выходит в поле трактор, —
И стебли подминаются ребром,
Зеленый мир взлетает в каждом звуке,
Зеленый мир встает в певучих травах,
А пчелы, знай, заладили одно.
В медушах зреет белоглазый сахар,
В медушах солнце отворяет ставни,
В медушах свет, как патока, скользит.
Восходит в кадках дорогое брашно,
Оно дрожит, как желтые глазуньи,
А пчеловод без устали хлопочет,
И с ним хлопочет молодое солнце
И, ударя в небо, словно в бубен,
Колхозный пчельник светом обдает.
Зеленый мир похож на карусель.
Уже в поля врываются комбайны,

Железная утроба ненасытна,
И отдохнуть вовек ей не дано.
Пусть из перерубленного зева
Летят солома вздорная и плевел,
Зато в мешки оравую стекает
Могучее и звонкое зерно.

В гуденьи зерен слышно нарастанье
Уже почти родившихся заводов.
Домов и домен, топок и комбайнов,
Все эти голоса Страны Советов,
Вступившей в зоревой социализм.
Зерно гудит и властно заглушает
Звериный крик заводов капитала,
Зерно заводит песню революций!

.
Но на страну железною гримасой
Уставилась скуластая Война.
И тракторист прикрыл глаза рукою,
И тракторист прищурился и видит:
Неведомые голубые птицы,
Снижаясь, разрывают облака.
Тогда в глазах мгновенно отразились
Те облака и крылья бомбовозов,
Те облака и желтые колосья,
Те облака и голубое небо,
И бомба, что слетала напрямик.
И разорвалась!

Газ паучьей лапой

Защекотал...

Потом схватил за горло.

Тогда язык забился, словно птица,

И выскочили из орбит глаза.

Еще рука сжимала рукоятку,

Еще рука хватала тщетно землю, —

Но, словно гирия, оборвалось сердце,

Шальной пошавой наступала смерть.

И трактора брели поводьями,

Слепцами пробирались комбайны,

Они протяжно песни запевали

И падали в колдобины и рвы.

А пчеловод, хлебнув дымок отравы,

Захотел, пока не захлебнулся,

И в золотое сахарное брашно

Из горла хлынула багровая бурда.

Чем пахнет свежескошенная жизнь?

Ужель травой, которая завяла,

Ужель соленой, волосатой тинной,

Зеленой жилой, где течет вода?

Нет! Кровь на ней, которая не внемлет.

Горячая, которая не видит.

Проклятая, которую не смоешь.

Она кричит без устали: Беда!

.

Но нашу оголтелую запевку

Заводят истребителей моторы.
И бомбовоз уже пробит навывлет,
И летчик вражеский, паденьем увлеченный,
Губу насквозь зубами прокусил.
И чтобы то, что мне тревожной ночью
Привиделось

до боли ощутимо

И строки, словно волосы, взметнуло,
Воочию не сбылось опять, —

Мы изучаем авиомоторы,

Мы учимся владеть противогазом, —

Когда нагрянет враг,

мы встанем разом,

Чтобы в бою последнем

не сплоскать.

1931

ПОГРАНИЧНАЯ

Уже открывается мир голубой,
И эту запевку повторит любой.
Он сильной рукою возмет под узды
Машины, которых не знали отцы.
Сверкающий штык на морозе звенит.
Чтоб нас не крушил оголтелый иприт,
Не рвалась шрапнель и не выла картечь, —

Страна приказала границы беречь.
Болотною птицей взлетает луна,
Добротная песня бойцам вручена.

Обломай голубчику
Вражий чуб.
Чубарики, чубчики,
Чуб!

Чуб!

Чуб!

Чуб, да чуб, да чуб, да чуб.

Обломай голубчику вражий чуб.

Тропками, лесами

Да ярь в галоп.

Если кто не с нами —

То пулю в лоб.

Пулю в лоб, да пулю в лоб,

Да чубарики чубчики, ярь —

в галоп.

А полночь далёко.

Республика спит.

Но смена ночная огни берedit.

Страна моя крепнет! И ночью и днем

За домом в лесах поднимается дом.

Уже светляки потухают в домах,

И ветер проносится, как гайдамак.

Папаху срывает и свищет в упор,

И нас по приказу уносит мотор.

Он грудь врывается в воздух сквозной,

И мчат мотоциклы охраны за мной,

И звезды шальные летят впопыхах,

Срываясь на дощики наших папах.

А ветер нас хлопает, как панибрат,

И хищные травы железом звенят.

Брательники, амба!

И вот мы лбом

Сшибаемся

с пограничным столбом.

Стреножим железных коней впопыхах,
А сами сползаем в овраг.
За польской границей

в сухих ковылях

Уже притаился враг.

И на ухо шепчет брательник: «Слышь,
Ползут!»

Но я слышу тишь.

Чудится кованый бряк о шлях.

Нет! Это кровь барабанит в ушах.

В травы густые сапог погруз,

Ходит оврагом гадючий хруст.

Белою птицей взметнулась луна,

И до того страшна

тишина,

Что хочется выстрелить на лету

В небо. В луну. В высоту.

Я тихо бросаю брательнику:

«Слышь!

Слу-у-ушай тишь!»

Пулю в лоб, да пулю в лоб,

Да чубарики чубчики. Ярь —

в галоп!

ПЯТЬ В ЯБЛОЧКО

ПЯТЬ В ЯБЛОЧКО

Песня

Пуля большевистская,
Ты лети! Ты лети!
Чтоб враги не рыскали
На пути! На пути!

Чтобы порох попусту
Не пропал! Не пропал!
Бей бандитов попросту
Наповал! Наповал!

Над цехами новыми
Горнов дым! Горнов дым!
Ни вершка чужого мы
Не хотим! Не хотим!

Мощь в руках вынашивай,
Бей на «ять». Бей на «ять»

Не сдадим мы нашего
Ни на пядь! Ни на пядь!

В переходном знамени
Честь полка! Честь полка!
Мы сдаем экзамены
На стрелка! На стрелка!

Чтобы злую барскую
Вражью рать! Вражью рать!
Силой пролетарскою
Разогнать! Разогнать!

Пусть грозит нам золото
И иприт! И иприт!
Край серпа и молота
Победит! Победит!

Заряжаем наглухо
Мы опять! Мы опять!
Чтоб попало в яблоко
Сразу пять! Сразу пять!

ВОРОШИЛОВСКАЯ УБОРОЧНАЯ

Песня

*Перекопской краснознаменной
дивизии, инициатору Ворошилов-
ского субботника.*

Врываясь песнями неугомонными,
Под шум шагов, колес, коней,
Мчит Перекопская Краснознаменная
На небывалый штурм полей.

Дивизионы прямо, батареи вместе,
Коники-соколики, выступаем враз.
Это дело славы, это дело чести,
Это дело доблести

каждого из нас.

В боях решительных

прямой и грозный,

Не уклоняясь вкось и вбок,

Уже на Выгоду,

на фронт колхозный,

Выходит Верхне-Камский полк.

Батальоны прямо,
выступаем вместе,
Славные ударники,
выступаем враз.
Это дело славы,
это дело чести,
Это дело доблести
каждого из нас.
Пшеницу в копны,
поля — окопы,
И, словно Врангеля, круши бурьян.
Мы бьемся снова
под Перекопом
И выдвигаем встречный план.
И в соревнование
мы вступаем вместе,
На поля колхозные выступая враз.
Это дело славы,
Это дело чести,
Это дело доблести
каждого из нас.
Врываясь песнями неугомонными,
Под шум шагов
и конский топ,
Так Перекопская Краснознаменная
Взяла
и этот Перекоп.

Батальоны прямо,
 выступаем вместе,
Всем бригадам браво
 мы затынем враз.
Это дело славны,
 это дело чести,
Это дело доблести
 каждого из нас.

1931

ПЕСНЯ КОМСОМОЛЬСКОГО ПУЛЕМЕТНОГО ЗВЕНА

Чтоб с врагами сладить сразу,
Пулеметчик молодой,
Рук сноровку, зоркость глаза
И внимание удвой.

Чтобы шел к нам враг с опаской,
Ты к машине знай подход!
Любит чистку, любит смазку,
Любит смазку пулемет.

Припев: Максим накрепко изучен
И в бою не отстает.
Бей по белым
метче, лучше,
Комсомольский пулемет.

Чтобы смазка шла не даром,
Время попусту не трать.

На морозе скипидаром,
Надо масло разбавлять.
Чтобы шла работа с толком,
Чтобы шла работа впрок,
Сверь, пружинят ли защелки,
Не сломался ли боек

Припев.

Части складывай умело,
Сборке спешкой не мешай,
Чтоб не стопорилось дело,
Сальник ровно намотай.

Собираем любу, скоро,
Хоть работа не легка,
Проверяем три зазора,
Ход пружины и замка

Припев.

Берегись, белых банда!
Наш огонь тебя сметет.
Так ударная команда
Собирает пулемет,
Чтобы шел к нам враг с опаской,
Ты к машине знай подход!

Любит чистку, любит смазку
Любит смазку пулемет.

Припев: Максим накрепко изучен
И в бою не отстает.
Бей по белым метке, лучше,
Комсомольский пулемет.

1932

КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ

Комсомольский запевала,
Крой, да не сплошай.
Чтобы песня не сдавала,
Рота, подпевай.

Припев: Все готовы в бой мы
За советский край.
Четыре в обойме —
Пятым заряжай.

Ходят танки за оградой,
Все мы на чеку.
Комсомольская бригада,
Первой будь в полку.

Припев.

Комсомольцы, на плацдарме
Бей мишени лбы.
Мы застрельщики ударной
Боевой стрельбы!

Припев.

Комсомольская пехота,
Крой на чистоту!
Вызываем вашу роту
Мы на быстроту!

Припев.

Комсомольцы режут тропы
Летом, мимо круч.
То ли бой под Перекопом,
То ли помнит Збруч?

Припев.

Если грянет в наступленье
Люизит на нас —
Кто проворнее наденет
Свой противогаз?

Припев.

Слышен гром орудий вражых,
Виден черный дым
Если снова нам прикажет
Ворошилов Клим —
Все готовы в бой мы
За советский край.
Четыре в обойме —
Пятым заряжай!

1932

**ПОЕЗДА ИДУТ
НА СЕВЕР И НА ЮГ**

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ПОЕЗД ИДЕТ НА СЕВЕР

Осень передергивает страницы.
Все стихи сгорели — ай люли!
Растерянно шныряют птицы —
Гуси, лебеди и журавли.

Поезд бьет железные баклуши.
Подмигнул лукаво семафор.
Слушай, слушай.
Слушай, слушай, слушай!
Колеса с рельсами вступают в бравный спор

Я лечу ли, ты летишь
Запевай до си.
Не финляндец, не латыш,
Только одессит!

И гармошку детскую
Дыхом надувай —
Песенки одесские
Ты не забывай.

Где вы, где вы, губы те,
Алый уголек!
Любите, не любите —
Голос твой далек.
Мне такие глаза
Позабывать нельзя.
Почему я в них не смыслю,
Ни аза,
ни аза?!

Напоминают женщины
Маму мою.
Девушки застенчиво
Руку подают.

Ты иди сюда, река,
Путь перемени.
Милого сударика
Ты оборони.

Буфер в разгоне,
И поезд идет,
Едет в вагоне
Тринадцатый год.

Тринадцатый мой
И девятый твой.
Ребята!

Песню мою запой.

Будь готовым к бою
Мой

отличный год.

Небо голубое
Руку подает.

А сторож у баштана
Бродит

там и тут.

Гортанные каштаны
Ласково

поют.

Над Арбузной гаванью
Ходят облака.

Отбываю в плаванье,
Милая,

пока.

Голубой, золотой,
Прощевай,

мой край —

Мамы этой,

мамы той.

Нас

не забывай.

1931

* * *
В твоих глазах беспокойство.
По крышам в четыре руки
Играют весты и осты,
И клавиши так легки.
Нам с ростелезью не спорить.
Звенит ледяное кольцо,
И нам открывается море,
И ветер стучит в лицо.
И я для тебя по уступам
Иду над смешной крутизной
И льдинку ломаю глупую,
Манящую голубизной.
Льдинка солоновата...
Попробуй ее рукой:
Мягкая, словно вата,
Смятая теплотой.
Мы впредь ей верить не будем,

С подводным течением со дна
Выходят зеленые люди,
И трогает чайку волна.
В твоих глазах беспокойство,
Скупой ветерок не свояк.
Так сменим скорее осты
На бьющий в лицо северяк.
Зюд-вестов плохое соседство
Теперь нам совсем не с руки.
Нам снова вручают, как в детстве,
Серебряные коньки.
И ветер трубит по откосам,
Как листья, шумят поезда.
В твоих глазах беспокойство
Останется навсегда.

1932

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ПОЕЗД ИДЕТ НА ЮГ

Я ходил бы всегда по твоим проспектам,
Я глазел бы всегда на твою Неву,
Чтоб глаза, не гнушаясь защитным цветом,
Окунались в отменную синеву.

Ведь твои переулки мудрее, чем Веды,
И в мои неоправленные глаза
Входят толпы дорог Пролетарской победы,
В уши ломаются площадей голоса.

Здесь горланят рожки и свистки неустанно —
Разноцветные трамы пробуют сталь.
Головою, что повстречала Руслана,
В это небо вошел Фердинанд Лассаль!

Но скорее билет и плацкарту на скорый!
Я чиновников будоражу досуг.

Потому что на юг глядят семафоры,
Потому что идут поезда на юг.

Чтоб радуг стоцветных срывая кокарды,
Сквозь толщи страны пролетел паровоз
В Одессу, где лопаются, как петарды,
Бутоны каштанов, акаций и роз.

Там улица, словно стручок, раскололась.
Уже замирают извне голоса,
Чтоб мог я услышать единственный голос
И видеть единственные глаза.

В глазах захлебнуться и согнуть не жалко.
Над нами гортанные ливни гремят.
Гадает гадалка, гадает гадалка,
За руку берет...

Но еще Ленинград.

Цыганка прикинулась черным айсором.
Сплетение окриков, пауз и рук.
Кричат и целуют, но двинул скорый.
Поезд идет на юг!

1932

СКОРОСТЬ

Крутого дыма крижица
Летела под откос.
Стуча железной мышцей,
Трудился паровоз.

Щелкали, как пальцы,
Шпалы невпопад.
Сзади оставался
Белый Ленинград.

Водой не брызжут статуи,
Скучен Петергоф.
Весны холодной статуи
Читают здесь с азов.

Подай мне, скорость, руку,
Оседлай коня,

К югу, к югу, к югу,
Унеси меня.

Вулай — пиво зеленое
Поднесла сосна.
Уже идет по склонам
Протяжная весна.

Леса пропахли клеем,
Прорезал землю злак,
Меж дымных пашен веет
Терпкий аммиак.

Летит по следу скорый.
Блеснули второпях
Стеклянные озера
И поймы в камышах.

Слепые воды нехотя
Увлечены игрой,
Коростом, клеком, векотью,
Лягушечьей икрой,

Ветров медовых детские
Проделки намази.
Раскрылся занавескою
Заката кармазии.

Уже летает вечер,
Притаивши дых,
Меж радужных бубенчиков
И кафель голубых.
Приходит тьма. Но сна нет
Ни капельки в глазах,
Спелых звезд собрание
Идет на небесах.
Звезда каленая, стори,
Пади за пережат —
Спешенные искры
Небо бережат.
Уже умчался Коростень
Неведомо куда.
Перегорят, как хворост,
Юности года,
Но скорость,
 скорость,
 скорость
Со мною навсегда!

1932

ЮЖНАЯ ПОЭМА

«Dahin, dahin...»

Гете

Два дня в продолговатых, синих стеклах
Витает солнце золотой витушкой.
Коричневая тучная земля
Вся проросла зеленой мишурою,
Проходит мельком разноцветный дождик —
И снова перестуки буферов,
И снова надпись «кипяток», и снова
Приходит ночь, но до чего она,
Как негатив изменчива в дороге!
Сперва я вижу белые глаза
Серебряной хибиногорской ночи.
Но сутки прочь — и ночь уже не та.
Южанкой, девушкой любимую приходит.
У девушки блестящие глаза,
Горячая и мягкая рука,
Лукавая, мальчишеская стрижка.
В начало дня с прохладною росой,

В известкою пропахший свод перрона
Врывается с шипеньем, свистом, порском
Отчаянный, горячий, злой, как чорт,
Ретивый, черный ленинградский поезд.
Еще о нерассказанной любви
Лопочут что-то буфера-заики,
Но губы первозданные твои
На диво перепачканы клубникой.
Я алый плод вкушаю из кулька,
В моей руке лежит твоя рука,
Горячий ветер теребит мне ворот.
Пускай сегодня не удастся мне
С тобою побывать наедине.
Ведь с нами третий —
Этот громкий город.
Булыжники граненой мостовой
Я прохожу здесь нынче сам не свой.
Но мы пройдем сквозь крики зазывал,
Минуя тени полотняных тентов.
Все звуки стали зримыми сейчас —
Протяжный свист похож на желтый хлыстик,
Крик женщины — на толстый, красный мяч.
Но, чорт возьми, за нами ходит день,
За нами солнце бравое летит
Мичуринским огромным абрикосом.
Ужель нам сразу море не найти?
Но вот оно! Широкогрудым пляжем

Беги, лети, чтоб зачерпнуть рукой
Холодную и пенистую брагу.
Беги, лети, врываись в синеву,
Чтоб злое тело спорило с волною.
Я не был бы нисколько удивлен,
Когда бы у южан открылись жабры.
Так дорого волны биенье им,
Как бы возникли днесь они с волною.
Зеленая, причудливая жизнь,
Срывайся вниз в водоворот медузий.
Встревоженно клокочет воздух в легких,
А ты плывешь, как рыба под водой.
Гляди. Гляди. Течет с тобою рядом
Серебряная струйка скумбрии.
Вновь воздух! Свет! На лодку, дорогая,
Чтоб весла гнулись в бронзовой воде,
Чтобы простая запевалась песня.

Я в любую погоду
Пел, печаль притаив.
Что мне Балтики воды,
Что мне Финский залив?
Предлагались мне оптом —
Зелены, как трава —
Мойка, Карповка, Охта,
Расписная Нева.
Ах, про белые ночи
Мне нашептывал ост,

Острова, островочки,
Поцелуевый мост.
Но к далекому югу
Все приходят пути.
Лучше милой подруги
Мне нигде не найти.
Наше горе с полгоря,
Все открыты пути,
Лучше Черного моря
Мне нигде не найти.

Переполнена кровью аорта...
Что услышу — да или нет?
По глазам,
По движению твоего рта
Я угадываю ответ.

Июль 1932 г.

КАКАЯ ХОРОШАЯ БУДЕТ ЖИЗНЬ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

КИПЯТОК

Мир стареет. С исконных пор
Поседали его виски.

На лице

неввысоких гор

Обозначены желваки.

По путям, заметая следы,

Протекло немало воды.

В сизой — блистала соль,

В белой — сахар всплывал,

В черной — зерна земли,

В красной — клубилась кровь!

В желтых глазах болот,

Что разделяют твердь,

Всюду безмолвно ждет

Продувная бестия-смерть.

Я одну только каплю беру,

Я гляжу на нее в микроскоп,

По валам взбудораженных вод
Тяжко движется вражеский флот.
Это тифа эсминцы плывут,
Это мчат крейсера ТБЦ.
Для того чтобы смертью не пах
Освежающий сахарный сок, —
На кострах
Был рожден кипяток.

Кто сказал, что стареет мир,
Что седеют его виски,
Если Интернационал
Над землею гремит, как валторн,
Если солнце во всех глазах,
Если солнце во всех морях,
Если строится новый мир!

Свежих масляных красок блеск
Бьет из окон столбами свет.
Это новоотстроенный дом
Просыпается поутру.
И, принявши холодный душ,
Освеженный и молодой,
Ты к огромному баку бежишь,
Где бунтует уже кипяток.
Чай и сахар к нему прибавь,
Зазвенит, запоеет стакан,
И по горлу горячей струей,
Словно поезд, промчит кипяток.

Кипяток раскален добела,
В нем крутое кипенье ключа.
И работа моя весела,
И работа моя горяча.
Кипяток — он велик и прост,
Я хотел бы найти слова
Великие, словно он,
И простые, тоже как он,
Чтобы воспеть его.

1931

ПРИСЯГА НОВОМУ ДОМУ

В столбах голубого и белого щепня,
В глубокое круглое небо влеком,
Где солиде алей петушиного гребня, —
В строптивых лесах зарождается дом.
Здесь плотник и каменщик, что повитухи.
Известкой фасад накален дóбела.
Клинки топоров напевают по слуху —
Бормочет рубанок и свищет пила.
Стекло поддается напору алмаза,
Здесь окна пробиты надолго и впрок,
И свет газированный бьет без отказа
В высокий и радостный потолок.

Я вышел из черной и влажной ямы,
Ко мне не входило ни разу солнце.
На шелудивой коже обосев,
Словно родимые, мокли мокрицы.
Когда на стене, что в окно глядела,

Вдруг появлялись осколки солнца,
Зеркалом

я пыгался тщетно

Их залучить

в свою лачугу!

Но я вчера получил в завкоме

Ордер

на комнату в новом доме.

Стена, покрывайся хрустящим мелом,

Балка,

уверенно к балке ложись.

Каменщик, каменщик в фартуке белом,

Крепи,

воздвигай небывалую жизнь.

Правила внутреннего распорядка...

Но разве вся суть заключается в том,

Чтоб мусор

не сваливать на площадку,

Чтоб чад не окуривал новый дом?!

«Грецов

вконец изгоняйте копоть.

После двенадцати

дверью не хлопать».

Жактовский распорядок пригоден

Для мелочей!

Он забыл о большом.

Лучшим ударником быть на заводе.

Этого требует
новый дом!

Ямы
дворцами культуры заменим,
Новое к нам идет поколение.

Солнце
в ветвях пушистых и ценных.

Мы — обязуемся все в одном:

Новых ребят,
здоровых и крепких —

Этого требует
новый дом!

Старый уклад
иногда еще прочен.

Косную роспись
привычек кичливых

Рви динамитом, стегай кипятком,

Чтобы
сменила разлад одиночек

Кладка бетонная коллектива.

Этого требует
новый дом!

БЕГ ЛЕНИНГРАДСКИХ УТРЕННИХ ТРАМВАЕВ

Где на диво туманы белесы
И бесвкусны,
 как стебли травы,
Где тяжелым прокатным железом
Ходят волоком
 волны Невы,
Там крутую стеной антрацита,
Как в забое
 лежат облака.
Только месяц медяшкою битой
Упадет на тебя свысока.

.
Розовеет.

Белеет.

Светает.

Тишины разрывая подол,

Новорожденный окрик трамвая
По встревоженным рельсам прошел.
Звон от холода

скачет вприпрыжку.

Он взлетает на стебли столбов.

И ему отвечают звоном

Телефонные провода,

И ему отвечают громом

Турецкие барабаны —

Сотни молочных бидонов

Белых и голубых!

А заря заливает небо

Наливным, добротным румянцем.

Торопливо глотает утро

Непоседливый теплый ветер,

Обжигая до боли рот.

А трамваи еще у парка

До отказа

вдыхают воздух

И, блестя

бигелей позвонками

По проспектам летят бегуны.

На покатоЙ

задней площадке

Русый токарь или

литейщик

Гордо песенкою полощет —
До того вокруг хорошо.

.
К ярко радужным стеклам трамвая
Ластятся руки деревьев —
Мягкие пальцы листьев,
Жесткие когти хвой
И желтых,

сосновых шишек

Детские кулачки.
С нами вровень гуляет солнце
В небе солнце,
И в окнах солнце,
И лучи его трутся о стекла,
Словно спички о коробок.
Это бег ленинградских трамваев.
Это песня
горит не сгорая.

Каждый день мы ее запеваем
До того,
как проснется гудок!

1931

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

Спать воспрещено

Спать воспрещено	5
Электрический стул	8
Чапейские похороны	11
Марш черных гусар	14

И вся-то наша жизнь есть борьба

Большие маневры в Эн-стей	21
Мир и война	26
Пограничная	30

Пять в яблочко

Пять в яблочко	35
Ворошиловская уборочная	37
Песня комсомольского пулеметного звена	40
Комсомольская ударная	43

Поезда идут на север и на юг

Поезд идет на север	49
-------------------------------	----

В тропе глазах беспокойство	52
Поезд идет на юг	54
Скорость	56
Южная поэма	59

Какая хорошая будет жизнь

Кипяток	65
Присяга новому дому	68
Бег ленинградских утренних трамваев	71

34352 С

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Куришова